

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 470–476

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

Научная статья

УДК [330.567.4:316.334.3](47+57)|1953/1985|

Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства

А. П. Мякшев[✉], А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Гуменюк Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Author ID: 681822

Аннотация. В статье анализируются этапы становления общества потребления в СССР в 1953–1985 гг. Рассматриваются основные направления социальной политики советского государства по удовлетворению материальных потребностей населения. Делается вывод о нарастании противоречий между потребительскими устремлениями масс и ограниченными возможностями советской экономики как причине распада единого Советского Союза.

Ключевые слова: социальная политика, государство социальных услуг, советский народ, советские элиты, общество потребления, социалистические ценности, идеология потребительства

Для цитирования: Мякшев А. П., Гуменюк А. А. Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 470–476. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors of the collapse of a single state

А. П. Myakshev[✉], А. А. Gumenyuk

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Alexey A. Gumenyuk, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Author ID: 681822

Abstract. The article analyzes the stages of the formation of consumer society in the USSR in 1953–1985. The main directions of the social policy of the Soviet state to meet the material needs of the Soviet population are considered. The conclusion is made about the growing contradictions between the consumer aspirations of the masses and the limited capabilities of the Soviet economy as the reason for the collapse of the unified Soviet Union.

Keywords: social policy, state of social services, Soviet people, Soviet elites, consumer society, socialist values, ideology of consumerism

For citation: Myakshev A. P., Gumenyuk A. A. The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors of the collapse of a single state. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодняшние геополитические трансформации, имеющие целью создание совершенно новой исторической реальности, экспертным сообществом зачастую оцениваются как «третья мировая война». Успехи строительства «социализма с китайской спецификой», неудача с попыткой

интеграции российской экономики и ее элит в западноевропейскую общественно-экономическую модель, крах проекта однополярного мира актуализируют новую дискуссию по проблеме причин и предпосылок «крупнейшей геополитической катастрофы века», коей являлось «круше-

ние Советского Союза» [1]. Анализ перечисленных аспектов современной истории заставляет отказаться от поиска причин неудачи «советского проекта» во внешнеполитических, социально-экономических, общественно-политических, этноконфессиональных процессах периода «горбачевской» перестройки. Сомнительно с научной точки зрения «перекладывание» исторической ответственности как на «внешнего врага» в лице агрессивного Запада, так и на внутренних «национал-предателей», в качестве которых в исторической литературе выступают М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин либо национальные элиты в целом. Предлагаемый в данной статье подход, согласно которому главной причиной распада СССР, а также отказа от социалистических ценностей и идеалов является незавершенность построения социального государства и невозможность создания потребительского общества, на наш взгляд, позволит яснее представить специфику советской истории и еще больше актуализировать проблему альтернативности применительно к современным российским реалиям.

Следует указать, что «советская империя» рассматривается нами как «уникальная сложно-организованная этносоциальная система», в основе которой находилась «особая форма этатизации, вызванная культурологическими, геополитическими и социопатерналистскими установками ее населения» [2, с. 30], не имеющая ничего общего как с внешнеполитической экспансией, так и с известными ее определениями «колониальная империя», «тюрьма народов». Более того, народам, вошедшим разными путями в разное время и по разным причинам, советская империя дала «импульс модернизации их социальной структуры, экономики, инициировала процессы нациестроительства», в основном подготовила «к более или менее оптимальному существованию в мире модерна и глобализации» [3, с. 112]. Из множества близких по смыслу теоретических понятий, как то: «социальное государство», «социальное правовое государство», «государство благосостояния», «государство всеобщего благоденствия», для обозначения контуров создаваемой в СССР в 1950–1980-е гг. формы государственности наиболее приемлемым мы посчитали «государство социальных услуг». «Социальным можно считать такое государство, которое не только устанавливает порядок и равенство всех перед законом (правовое государство), но и способно обеспечить общественный и государственный контроль за экономическим и социальным развитием общества, а также, учитывая фактическое неравенство людей, способно нивелировать его путем социальной политики» [4].

И, наконец, категория «потребительское общество» рассматривается нами в двух смыслах: как «общество материального комфорта и изобилия материальных благ», а также как «совокуп-

ность общественных отношений, в которых главную роль играет индивидуальное потребление». В историографии уже давно высказана мысль о том, что «экономика общества потребления опирается на новый тип личности», ключевой характеристикой которой является «склонность к потреблению как способу конструирования своей идентичности» и для которой «потребление выступает как основное содержание его жизни» [5, с. 8].

Анализ причин краха советского проекта в контексте неудачи попытки завершить строительство государства социальных услуг, безусловно, требует пересмотра периодизации всей советской истории, которая, на наш взгляд, может быть поделена на четыре периода. Великая Российская революция 1917–1922 гг. провозгласила не только задачу переустройства страны на принципах социальной справедливости, но и открывала эру советского варианта глобализации, предлагая построить «коммунизм в мировом масштабе». В ходе второго этапа, который условно можно назвать «восстановительным» (1922–1928 гг.), прошла апробацию «компромиссная» («нэповская») экономическая модель, была воссоздана империя и все ее структуры в советской форме, т. е. Советский Союз с внутренним национально-территориальным делением. В результате победы сталинского большинства в СССР в 1929–1953 гг. была проведена ускоренная модернизация экономики, в ходе которой была создана мобилизационная общественно-экономическая модель. Мобилизационный проект позволил одержать победу в Великой Отечественной войне, превратить советскую империю в «сверхдержаву», заложить основы новой исторической общности – советский народ. Временной отрезок 1929–1953 гг. условно можно обозначить как третий, «мобилизационный» этап советской истории.

С 1953 г. в СССР, на наш взгляд, начал реализовываться проект создания государства социальных услуг (бесплатные и всеохватывающие системы образования и здравоохранения, общественные фонды и фонды социального развития на предприятиях, жилищная программа и внедрение принципов социальной справедливости в сфере услуг и досуга). Собственно, вплоть до 1985 г. советское руководство безуспешно пыталось реализовать свой вариант западной модели «общества благоденствия». Период утверждения новой общественно-экономической системы, совпавший по времени с отказом от российского имперства и распадом Советского Союза, вполне резонно вывести за формальные хронологические рамки советской истории. Начальной гранью этого периода можно считать 1985 год – провозглашение и начало «перестройки», а конечной – 1999 год, когда в России и на всем постсоветском пространстве, превратившемся в своеобразную «историческую

периферию», утвердился так называемый «олигархический» капитализм и был провозглашен принципиальный отказ от реставрации принципа единства на бывшей советской территории.

Вплоть до начала 1950-х гг. советская модель социализма была «враждебна» самой идеологии потребительства, рассматриваемой как «пережиток капитализма». В экономической области социализм ассоциировался с приоритетным развитием производства средств производства, в идеологической сфере – с духовными ценностями и новой моралью, в социальной политике – с курсом на преодоление социального неравенства и достижением социальной однородности общества. Именно эти реальные преимущества советской системы сразу после окончания Второй мировой войны позволили распространить ее влияние на страны Центральной и Юго-Восточной Европы и заставили западный мир заимствовать рациональные звенья социалистической модели для реформирования, развития и совершенствования капитализма.

В ряде стран к власти пришли социал-демократы, национализировавшие здравоохранение, транспорт, энергетику, тяжелую и добывающую промышленность. Победы и достижения Советского Союза на практике подтвердили продуктивность кейнсианства, обретшего огромное влияние в экономической политике западных стран еще со второй половины 1930-х гг. своими призывами к государству усиливать экономическое регулирование с целью поддержания хозяйственного и социального равновесия. Так, в конституции ФРГ 1949 г. государство впервые было названо социальным, а отдельные фрагменты социальности нашли отражение в конституциях Франции, Италии, Швеции и других государств. Социалистическая идея становилась привлекательной сама по себе. В СССР, где не было гражданского общества, правового государства в его «западном» понимании, частной собственности, в кратчайшие исторические сроки была восстановлена разрушенная войной экономика, созданы атомная бомба, ракетное оружие, реактивная авиация, первые электронно-вычислительные машины.

На наш взгляд, идея «интенсификации» социальных функций советского государства и перехода к строительству общества потребления возникли в ходе резкого обострения борьбы за власть в высших эшелонах власти в канун и после смерти И. В. Сталина. В исторической литературе уже было высказано мнение о том, что с конца 1930-х до начала 1950-х гг. заметную роль в управлении Советским Союзом играла русская элита в виде «русской староверческой партии технократов» во главе с Г. М. Маленковым, правда, с переменным успехом, поскольку Сталин благоволил к этой группе не всегда [6, с. 318]. Самым большим успехом данной элитной группы можно считать иницируемую Сталиным

и Маленковым еще с 1944 г. попытку «сужения» реальной власти до «сферы пропаганды и агитации» партийной бюрократии, лишенной к тому же летом 1953 г. существенных материальных льгот и привилегий. В августе 1953 г. новый политический лидер страны Маленков после ряда популистских мер (первоапрельское снижение цен на мясо, картофель, овощи, 3%-ное увеличение зарплат) провозгласил курс на приоритетное развитие промышленности, производящей товары народного потребления, а также существенное увеличение производства продовольствия путем увеличения капиталовложений в легкую и пищевую промышленность, реформирования сельского хозяйства, прежде всего, отмены натуральных налогов для колхозников.

Стремясь восстановить монопольное положение партийного аппарата и достичь личной власти, Н. С. Хрущев настоял в феврале–марте 1954 г. на решении о значительном увеличении производства зерна путем освоения целинных и залежных земель. За 1954–1960 гг. было поднято 41,8 млн га целины, уже с середины 1950-х гг. на этих землях собирали от половины до трети производимого в СССР зерна. Продовольственная проблема в плане надежного и бесперебойного снабжения населения основными продуктами питания была решена (не стоит забывать, что всего десятилетием ранее страна пережила масштабный голод!), потребление в стране приблизилось к передовым стандартам, свидетельством чему стали лозунги о возможности догнать Америку по душевому производству продовольствия.

Окончательно задача максимального удовлетворения все возрастающих потребностей советского населения была провозглашена «основным законом коммунистического способа производства» в 1961 г. при принятии третьей программы КПСС. С этого времени образ коммунизма, который предлагался советскому народу, сводился к «потребительскому раю», где бесплатно «удовлетворялись бы» все потребности населения. Сдвиги в уровне жизни с этого времени были превращены в ключевые индикаторы, по которым советским людям предлагалось оценивать политику государства в целом и ее социальную составляющую в частности.

Мощнейшим импульсом в создании общества потребления в СССР стала экономическая реформа 1965 г. Именно эта реформа, проводившаяся под лозунгом «Лучше работаешь, больше получаешь!», фактически представляла из себя механизм реализации главной цели хозяйственного развития страны «... наиболее полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей трудящихся» [7, с. 343]. Замена вала как основного показателя экономического развития страны на прибыль, позволила архитектору этой реформы А. Н. Косыгину переориентировать экономику страны с количественных показателей на качественные посредством

учета спроса населения на товары и услуги. Расширение же в рамках реформы финансовых возможностей (посредством формирования поощрительных фондов) непосредственных производителей (промышленные, сельскохозяйственные предприятия, учреждения транспорта) для решения социальных проблем членов своих трудовых коллективов являлось эффективным инструментом (в условиях сохранявшегося отставания в развитии предприятий группы «Б» от группы «А») наиболее полного удовлетворения спроса и потребностей советских людей. Для решения указанной задачи относительно населения, незанятого в производственной сфере, в рамках реформы предусматривалась закупка современного и модернизация существующего оборудования на предприятиях легкой и пищевой промышленности.

В результате в одной только Саратовской области за 1966–1970 гг. выпуск продукции легкой промышленности возрос в 1,9 раза [8, л. 23], что было больше, чем в годы семилетки (рост в 1,3 раза) [9, л. 27], в периоды девятой [10, л. 111.] и десятой [11] пятилеток (рост в 1,7 раза и 1,5 раза соответственно). А в Калмыцкой АССР, где были более низкие стартовые возможности, в 1970 г. предприятия легкой промышленности выпустили продукции даже в 2,5 раза больше, чем в 1965 г. [12, с. 138]. Это позволило полнее удовлетворять спрос населения на широкий спектр товаров для народа и вывести уровень их потребления на новый качественный уровень.

В 1966–1970 гг., когда проводились в жизнь ключевые мероприятия реформы, уровень потребления населением Астраханской области основных продуктов питания возрос в 1,3 раза, в первой половине 1970-х гг. – в 1,1 раза [13, с. 138]. Практически в таких же пропорциях варьируются показатели потребления промышленных товаров населением Астраханской области: в 1969–1971 гг. оно возросло в 1,5 раза [14, л. 86], (в 1980–1983 гг.) – в 1,1 раза [15, с. 671].

Важным инструментом повышения уровня потребления являлась система премий, учрежденная в ходе реформы 1965 г. в рамках расширения хозрасчета. Например, премиальные доплаты к заработной плате в 1969 г. у сотрудников Саратовского областного производственно-технического управления связи достигли размеров должностного оклада [16, л. 24].

В начале 1970-х гг. для советского общества стали в основном доступными новые потребительские товары – радиоприемники, холодильники, телевизоры, стиральные машины, импортный ширпотреб и др. Переломом на пути к созданию общества потребления стало массовое приобретение автомобилей после того как 24 марта 1971 г. Госкомиссия приняла в эксплуатацию первую очередь Волжского автозавода в Тольятти, что позволило производить к концу 1970-х гг. 660 тыс. «народных» автомобилей в год, а к

концу 1980-х – 740 тыс. Следует отметить, что в феврале 1976 г. со сборочного конвейера сошел первый грузовой автомобиль КамАЗ, через 3 года, в июне 1979 г. – 100-й грузовик, что значительно улучшало «потребительскую логику». Оба автомобильных завода, как и ряд химических предприятий, в 1970-е гг. были построены с помощью международной кооперации. Запад активно поощрял создание общества потребления в СССР (причины этого явления требуют самостоятельного исследования), причем саму западную экономику поразил в это время мировой кризис. «Взлетевшие цены на нефть спровоцировали виток инфляции», в 1974 г. экономическая ситуация в Великобритании «была откровенно критической» [17, с. 354]. В США кризис развивался почти во всех отраслях промышленности. «Особенно остро он повлиял на инвестиционную деятельность и жилищное строительство (спад более 50%) и производственное строительство (спад был еще глубже)... Продовольственный кризис был вызван недостатком продовольствия, особенно зерновых. Сказались неурожаи 1972 и 1974 гг. Запасы зерновых сократились в 2 раза, а цены в середине 70-х повысились на 70–90%» [18, с. 207].

В этих условиях общество потребления в Советском Союзе демонстрировало в первой половине 1970-х гг. тенденции роста, в том числе относительно продуктов питания. В Нижнем Поволжье в 1971–1975 гг., данные по которому приведены выше, сохранялись достаточно высокие темпы развития сельскохозяйственного производства во многом за счет реализации масштабных мелиоративных мероприятий. Наиболее перспективными зонами для осуществления этой программы были территории Саратовской и Волгоградской областей, где удачно сочетались наличие плодородных почв, источников воды и опыт строительства оросительных систем. Именно в этих субъектах РСФСР площадь мелиоративных сельхозугодий только в период с 1966 г. по 1975 г. увеличилась в 2,8 раза, в то время как в СССР только в 1,7 раза [19, с. 9–10, 36, 105]. Это стало одним из факторов, способствовавших росту валового сбора овощей в этом экономическом районе в 1965–1985 гг. в 27 раз, зерновых – в 26 раз, картофеля – в 2,7 раза [20, с. 124].

В целях более полного обеспечения потребностей населения Саратова и Энгельса в цельномолочных продуктах вокруг этих городов в 1972 г. создается молочная зона, где осуществляются крупные мероприятия по укреплению материальной базы поголовья коров и производству молока. За 1972–1975 гг. в колхозах и совхозах Саратовского района построено 105, Энгельсского – 113 животноводческих объектов. Это позволило увеличить поголовье коров с 40,3 тыс. до 50,8 тыс. голов, производство молока – с 83,3 тыс. до 97,3 тыс. т [21, с. 285]. Вокруг этих городов была создана также «овощная база».

В Астраханской области в первой половине 1970-х гг. наряду с рыбообработывающей промышленностью получили развитие заводы, перерабатывающие овощи. Были модернизированы Астраханский, Владимирский, Харабалинский, Лиманский, Красноярский, Николаевский консервные заводы, что дало возможность довести «выработку» овощных консервов до 250 млн банок в год [15, с. 589]. Если среднегодовое производство риса в Астраханской области в седьмой пятилетке составляло 3,3 тыс. т, в восьмой – 30,8 тыс. т, то в девятой возросло до 100 тыс. т. Производство овощей возросло до 300 тыс. т, арбузов соответственно с 210 тыс. т до 300 тыс. т [22, л. 16]. Формируется и региональная специфика общества потребления. Так, в Астраханской области «близость к крупнейшему району рыболовства» способствовала возникновению у астраханцев «прочных навыков к потреблению рыбы», «южное положение» – «возможность более широкого использования в рационе производимых здесь овощей и бахчевых культур». Потребление овощей и бахчевых в Астраханской области было почти в 1,5 раза, а рыбы – на 26% выше, чем в Приволжском экономическом районе и на 10% по сравнению с РСФСР. «Широкое использование рыбы и овощей» стимулировало и «относительно высокое потребление растительного масла» [23, с. 172].

Руководство Волгоградской области в январе 1976 г. констатировало, что ее жители «стали лучше питаться и одеваться, больше тратить средств на покупку различных товаров. Потребление мясопродуктов, например, увеличилось на 47,5 процента, животного масла – на 25 процентов. Особенно возросла продажа товаров длительного пользования: телевизоров, холодильников, автомобилей, швейных и стиральных машин и т. д. Только продажа легковых автомобилей увеличилась в 5 раз» [24, л. 30]. В Калмыцком обкоме партии тогда же отмечали, что «за девятую пятилетку потребление мяса и мясопродуктов возросло в 1,8 раза, молока и молочных продуктов на 31,4 и тканей на 24 процента. ... Населению продано в 1975 г. товаров на 58,2 млн. рублей больше, чем в 1970 г.» [25, л. 222].

Представляется, что период с середины 1950-х до первой половины 1980-х гг. в СССР стал «временем существенного повышения благосостояния народа». Если в 1950 г. советский человек съедал в год 26 кг мяса, 60 яиц, 7 кг рыбы, 11,6 кг сахара, выпивал 172 литра молока [26, с. 597], то в 1985 г. – 61,4 кг мяса, 260 яиц, 17,7 кг рыбы, 42 кг сахара и 323 литра молока [27, с. 217]. Если потребление тканей на душу населения в год составляло 16,5 кв. м, обуви – 1,1 пар [26, с. 597], то в 1985 г. эти показатели возросли и составили – 37,1 кв. м ткани и 3,2 пар обуви [28, с. 446]. Обеспечение населения из расчета

на 100 семей увеличилось с 1960 г. по 1985 г. часами с 286 до 530 штук, радиоприемниками – с 46 до 96, телевизорами – с 8 до 97, магнитофонами – с 0,5 до 37, холодильниками с 4 до 91, стиральными машинами – с 4 до 70, электропылесосами – с 3 до 39 [27, с. 220].

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих, занятых в 1970 г. в промышленности, равнялась 133,3 руб. в месяц, в сельском хозяйстве 100,9 руб., что соответственно в 2,2 и 1,6 раза превышала прожиточный минимум [29, с. 569]. Огромную роль в становлении общества потребления в СССР играли общественные фонды: «Социальное обеспечение существенно влияет на распределение национального дохода и, в частности, на формирование общественных фондов потребления». При этом доля расходов на социальное обеспечение в середине 1970-х гг. составляла «более 38% общественных фондов потребления» [30, с. 393]. Общественные фонды потребления, безусловно, стали мощным источником благосостояния советских людей. С 1965 г. по 1985 г. они увеличились с 41,9 млрд руб. до 147 млрд руб. По данным на 1985 г. эти фонды были использованы на бесплатные и льготные услуги (45,2%), из них затраты на просвещение (без стипендий) и культуру составили 24,3%, расходы на здравоохранение и физическую культуру – 13,7%, расходы на содержание жилищного фонда (в части, не покрываемой квартирной платой) – 6,3%. Большая часть общественных фондов (54,5%) шла на денежные социальные выплаты, из них на пенсии – 30,6%, пособия – 9,8%, стипендии – 1,8% [29, с. 570].

К 1980-м гг. советское государство начинает утрачивать способность наращивать насыщение рынка потребительскими товарами. На наш взгляд, главную роль в резком сужении возможностей советской экономики удовлетворять постоянно растущие материальные потребности населения сыграли западные элиты, принудившие советское руководство сократить капиталовложения в отрасли, «отвечавшие» за потребление, и увеличить расходы на развитие военно-промышленного комплекса. Западные идеологи в утвердившейся, по их мнению, своеобразной «культуре советского потребительства» усматривали один из главных факторов отказа от социалистических ценностей. Новый виток гонки вооружений, Афганская война, «затухание» импульса реформы 1965 г. все больше расширяли разрыв между общественными настроениями «жить как при капитализме» и нарастающей дефицитной экономикой. Этому разрыву способствовали как рост заработной платы, стимулировавший потребление масс, так и сравнение в силу учащения и расширения контактов с «процветающим» Западом. Общество потребления, достигшее к 1980-м гг. относительной зрелости в странах Запада, для советских потребителей «представляло собой мощное социокультурное

поле, губительно действовавшее на коммунистическую систему», порождало «модели желаний и интересов», вызывая «неразрешимое противоречие между потребительскими устремлениями масс и ограниченными возможностями советского производства» [5, с. 15].

Силовое поле западного общества потребления притягивало в первую очередь правящую советскую элиту, которая, имея широкие возможности выезжать на Запад в составе разнообразных делегаций, очень быстро прониклась поклонением перед всем «американским» сама и «заразила» своих детей. Нельзя не учитывать и довольно тесные связи советской элиты с правящими кругами Восточной Европы, гораздо более открытыми перед Западом, нежели Советский Союз. Советские элиты, по сути превратившиеся в привилегированное сословие в социалистическом государстве, предали забвению главное преимущество «государства социальных услуг»: социальное равенство и справедливость. Особенно наглядно это демонстрировали национальные элиты в Средней Азии, практически возродившие байские порядки в своих вотчинах. В целом советской элите, осознававшей «убожество номенклатурных привилегий», западное общество потребления представлялось на излете «развитого социализма» идеалом социального устройства.

Идеология потребительства, в значительной степени заместившая социалистические ценности, способствовала тому, что в момент «пустых полок магазинов» (дефицит организовывался в период «перестройки» во многом искусственно) значительная часть советского населения оказалась равнодушной как к реальным завоеваниям государства социальных услуг, так и к судьбе советской империи. Советские элиты, разочаровавшиеся советским вариантом общества потребления и воодушевленные возможностью конвертации власти в собственность и ее «интеграции» в более привлекательный для них западный вариант потребительского общества, понимали, что достичь этого без разрушения единого государства и единой общности – советского народа было невозможно.

Список литературы

1. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию : Стенограмма. 2005. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (дата обращения: 20.09.2021).
2. Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция : новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.
3. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
4. Пахарь Л. И. К вопросу о российской модели социального государства // Электронный научный рецензируемый журнал «Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)». URL: <http://abyss.su/>

[_media/issue/3/paxar_k_voprosu_o_suschnosti_socialnogo_gosudarstva.pdf](#) (дата обращения: 20.09.2021).

5. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.
6. Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М. : Концептуал, 2019. 368 с.
7. XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) : стенографический отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1966. Т. 1. 672 с.
8. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский областной комитет КПСС). Оп. 11. Д. 3.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 6. Д. 2.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 1.
11. Товарам быта – комсомольскую заботу! // Заря молодежи. 1981. 23 июня.
12. Акугинова С. Д. Промышленность Калмыцкой АССР в период развитого социализма (1959–1970 гг.) // Политические и социально-экономические аспекты социалистического строительства в Калмыкии : сборник статей / отв. ред. М. Л. Кичиков. Элиста : КНИИЯЛИ, 1977. С. 136–146.
13. Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке : статистический сборник. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1976. 179 с.
14. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. Р-2729 (Астраханский областной Совет профессиональных союзов). Оп. 5. Д. 264.
15. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС / гл. ред. И. Г. Астафьев. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1985. 752 с.
16. ГАНИСО. Ф. 6187 (Саратовский областной комитет профсоюза работников связи). Оп. 2. Д. 17.
17. Дженкинс С. Краткая история Англии. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.
18. Всемирная история : учебник для вузов / под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 2000. 496 с.
19. Захаров А. В. Мелиоративный комплекс Нижнего Поволжья в 1966–1975 гг.: опыт развития. Саратов : Издательство Саратовского государственного социально-экономического университета, 2007. 106 с.
20. Гуменюк А. А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов : Техно-Декор, 2021. 453 с.
21. Очерки истории Саратовской организации КПСС : в 3 ч. / редкол. : В. А. Родионов [и др.]. Ч. 3 : 1938–1980 гг. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1982. 368 с.
22. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 325 (Астраханский областной комитет КПСС). Оп. 72. Д. 10.
23. Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года. Научный доклад / Госплан РСФСР. Центральный научно-исследовательский экономический институт (ЦЭНИИ). М. : [б. и.], 1978. 243 с.

24. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДННВО). Ф. 113 (Волгоградский (Сталинградский) областной комитет КПСС). Оп. 98. Д. 1.
25. Национальный архив республики Калмыкия (НАРК). Ф. 1 (Калмыцкий областной комитет КПСС). Оп. 22. Д. 1.
26. Народное хозяйство СССР за 1965 г. : статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1966. 910 с.
27. СССР в цифрах в 1985 году : краткий статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1986. 253 с.
28. Народное хозяйство СССР за 1985 г. : статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1986. 665 с.
29. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М. : РГ-Пресс, 2018. 768 с.
30. Соловьев А. Проблемы совершенствования социального обеспечения (1978 г.) // Антология социальной работы : в 3 т. М. : Сварогъ ; НВФ СПТ, 1995. Т. 3. С. 392–400.

Поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022